



FORVM
GEOPOLITICA
Independent Commentary on a Fractured World



Фото: Феликс Абт

Синьцзян за заголовками газет: правда из первых рук

Личные встречи с уйгурами и впечатления, не вписывающиеся в общепринятую картину.

Феликс Абт

вск 14 сен 2025

Бомба откровения - шок для зомбированных западной пропагандой

После приземления в Урумчи, столице Синьцзян-Уйгурского автономного района (обычно известного как Синьцзян), сразу становится ясно, что уйгуры, тюркоязычное мусульманское меньшинство, считают это место своим домом.

Когда я вышел из зала прилета, то заметил вывеску ресторана с надписью «EGG BOMB».



Первое впечатление от Синьцзяна? Бомба 🧨🥚. (Ресторан «Яичная бомба». Фото: Феликс Абт)

Это название хитроумно намекает на то, что Синьцзян предпочёл бы ассоциироваться со „взрывами вкуса“, а не с террористическими взрывами, которые когда-то терзали регион и остальную часть Китая, как иллюстрирует этот заголовок.

Urumqi car and bomb attack kills dozens

Attack leaves at least 31 people dead, the highest toll in string of violent incidents in Xinjiang blamed on separatist Uighur Muslims

Associated Press in Urumqi

Thu 22 May 2014 15.37 BST

«Десятки людей погибли в результате автомобильного теракта и взрыва в Урумчи» (заголовок Associated Press).

В то время как так называемая война США с терроризмом стоила жизни бесчисленному количеству мирных жителей, западные СМИ с возмущением отреагировали на антиисламистские меры Китая — от обвинений в культурном геноциде до заявлений о нарушениях прав человека. Эти двойные стандарты трудно не заметить

И всё же, несмотря на мрачные заголовки, реальная обстановка на месте оказалась совершенно иной.

В аэропорту я сел в современное метро, чтобы доехать до центра города. Все указатели были переведены на уйгурский, мандаринский и английский языки. На одной из станций в вагон зашли три молодые уйгурские девушки и сели напротив меня. Их любопытные взгляды и веселая болтовня создавали ощущение повседневной жизни. Когда я попросил разрешения сделать фото, они ответили не подозрением, а яркими, одобрительными улыбками



Первое приветствие в Урумчи — каждый взгляд - дружелюбный, каждая улыбка - сияющая. 😊 (Фото: Феликс Абт)

Архитектура вызывает восхищение: Большая мечеть – святилище тишины и великолепия



Большая мечеть: впечатляющее, величественное сооружение (Фото: Феликс Абт)

Перед Большой мечетью Урумчи, которая вмещает около 700 верующих, я встретил большую уйгурскую семью. Молодая девушка с энтузиазмом практиковала свой английский, переводя вопросы своей семьи: «Откуда вы? Вам нравится Урумчи?» Их живой интерес и теплый смех прекрасно контрастировали с тихой, благоговейной атмосферой мечети за нашими спинами. В тот момент я почувствовал, как сердце Синьцзяна бьется в его жителях — открытых, теплых и живых.



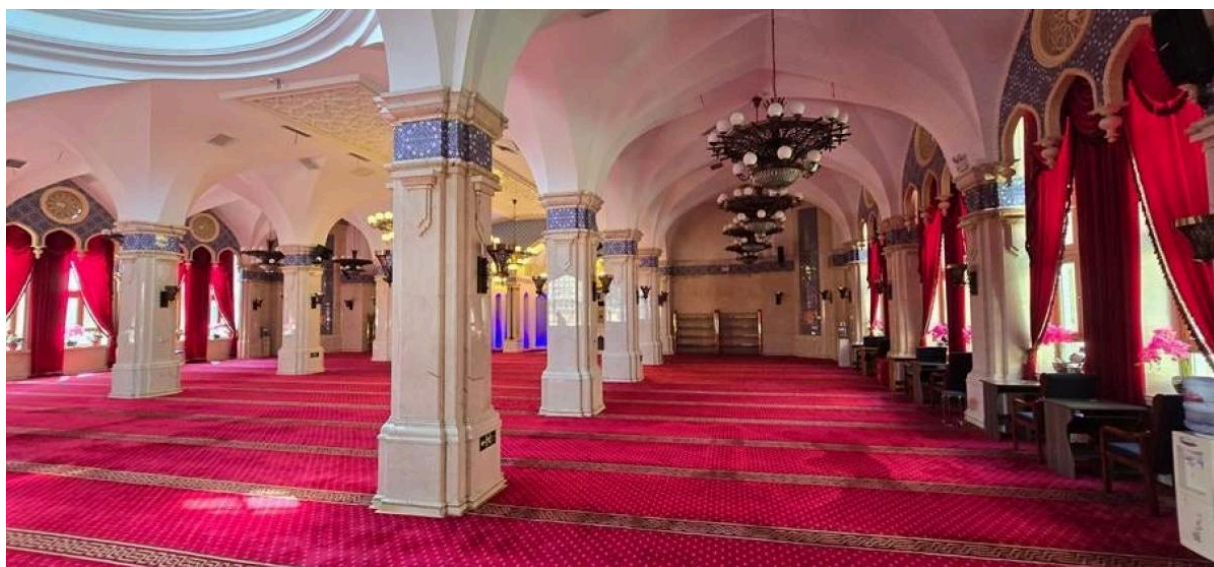
Для меня было честью сделать снимок — и обменяться улыбкой — с этой дружелюбной семьёй. (Фото: Феликс Абт)

Из уважения я не снимал молящихся, но исследовал интерьер мечети, когда она была пуста и съёмка была разрешена. Залы излучали особое спокойствие: просторные, но в то же время уютные, священное пространство между молитвами.

Уйгурские молящиеся следовали ежедневному призыву к молитве — ритму мира и единения



В мечети верующие собираются для совместной молитвы. (Фото: Феликс Абт)



Молчание говорит о многом. Тихие, пустые залы мечети выглядят одновременно огромными и уютными — это священное место между молитвами. (Фото: Феликс Абт)

Радостный момент свадьбы

Во время моей прогулки я встретил уйгурскую пару в изысканных традиционных нарядах, готовящихся к свадебной фотосессии. Невеста светилась от радости, а жених сначала выглядел очень серьезным. По внезапному порыву я сделал небольшой жест, чтобы разрядить обстановку — и к моему удовольствию это

сработало! Его суровое выражение лица сменилось искренним, душевным смехом. Фотограф тоже улыбнулся мне с благодарностью, и то, что могло быть формальным снимком, превратилось в фотографию, полную чистой, настоящей радости.



Даже прощания здесь похожи на небольшие праздники. Я благодарен за то, что стал свидетелем этой замечательной уйгурской свадьбы. (Фото: Феликс Абт)

Путешествие поездом по Синьцзяну: как инвестиции и сохранение культуры поддерживают жизнь национальных меньшинств

Передвижение по Синьцзяну часто означало путешествие на автомобиле или поезде. На многих вокзалах объявления звучали на мандаринском и уйгурском языках, как можно услышать [здесь](#). Для иностранного путешественника в одиночку это было непросто, но такие меры приносили пользу основным этническим группам региона.

Языковая политика Китая отражает его более широкий подход к меньшинствам. На банкнотах представлены пять письменностей: мандаринский, уйгурский (арабская письменность), монгольский, тибетский и чжуанский. В Синьцзяне образование в основном ведется на мандаринском языке — официальном языке и родном языке 91 % населения Китая, — но уйгурский язык также входит в учебную программу, как и тибетский в Тибете. Уличные вывески и вывески магазинов, как правило, двуязычные.

Из окна поезда я мог наблюдать масштабные инвестиции в современную инфраструктуру: ветряные электростанции в пустыне, электростанции, автомагистрали, огромные мосты и разветвленную электросеть — все это было направлено на то, чтобы вывести миллионы людей из бедности.



Будущее на горизонте: чистая энергия, грандиозные планы и сила ветра. (Фото: Феликс Абт)

На протяжении веков Синьцзян находился на перекрестке Шелкового пути. Его оазисы и горные перевалы соединяли Восточную Азию с Центральной Азией и другими регионами. Караваны, пересекавшие пустыню Такла-Макан и горы Тянь-Шань, перевозили не только товары, но и религии, языки и художественные традиции, оставив неизгладимый культурный след в этом регионе.



Словно слышишь звон колоколов, словно чувствуешь аромат специй — живое свидетельство мужества и благородства, которые когда-то двигали империи вдоль Шёлкового пути Синьцзяна. (Фото: Феликс Абт)

Географическое положение Синьцзяна и сегодня придает ему центральное значение. Он граничит с восемью странами и является ключевым узлом инициативы «Пояс и путь». Новые железные дороги и автомагистрали следуют по старым караванным путям, вновь соединяя Китай с миром.

Во время одной поездки я сидел рядом с уйгурской парой. Их знание мандаринского было ограниченным, как и у многих уйгуров, а мое приложение-переводчик не поддерживало уйгурский язык. Тем не менее, мы без труда общались — с помощью улыбок, жестов и нескольких общих фотографий.



Вслед за уйгурами! Это селфи запечатлело лучшее из путешествия: дружелюбных и любознательных людей, которых я встретил по дороге в Синьцзяне. (Фото: Феликс Абт)

Как уже упоминалось, путешествие на поезде часто казалось настоящим приключением. Объявления делались только на мандаринском и уйгурском языках; английский слышался редко. Но попутчики всегда были дружелюбны и готовы помочь — даже когда общение сводилось исключительно к жестам и улыбкам.

Небесное озеро: природное чудо Синьцзяна

Синьцзян — это земля контрастов: от бесконечных пустынь до суровых горных хребтов, возвышающихся в небо.



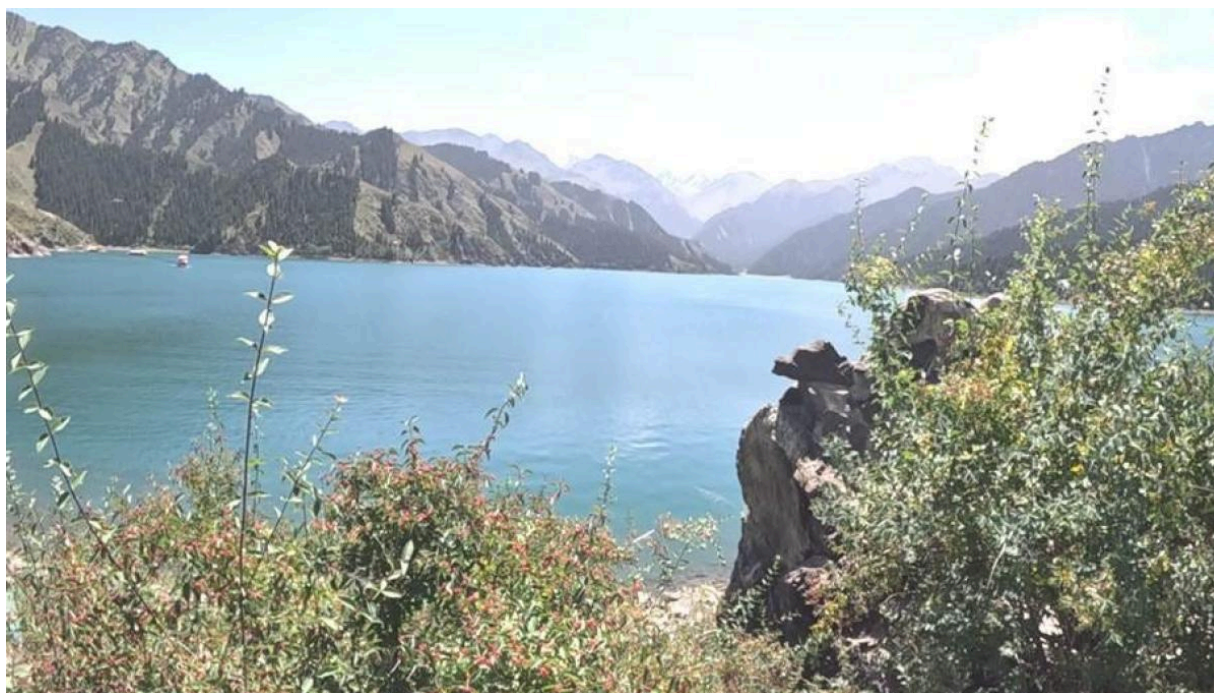
С высоты птичьего полета регион выглядит как огромная мозаика: коричневые оттенки земли перемежаются с яркими зелеными, и все это соединяется новой архитектурой роста. (Фото: Феликс Абт)

Во время длительных поездок кондиционер с трудом справлялся с невыносимой жарой, температура которой часто превышала 44,5 °C. Но когда мы поднялись в горы, температура понизилась, что принесло приятное облегчение.



44,5 °C в автомобиле – настоящая сауна. (Фото: Феликс Абт)

Настоящее чудо ждало нас высоко в горах: «Небесное озеро». Его название говорит само за себя. Глубокие голубые воды отражают заснеженные вершины, а водопады падают в тихие долины — вид настолько захватывающий, что кажется почти мифическим.



Чтобы понять, почему это озеро называется Небесным, нужно увидеть его своими глазами. (Фото: Феликс Абт)

Легенда гласит, что когда-то в этих водах плавали драконы — глядя в их глубины, можно легко представить себе эту историю.

Берега были полны жизни: здесь были как ханьские, так и уйгурские семьи. Несколько уйгурских туристов попросили меня сфотографироваться с ними — с посетителем из Запада. На мгновение я почувствовал себя не просто наблюдателем, а частью пейзажа, частью момента.



Человеческая история без границ: уйгуры и западный гость делят момент дружбы. (Фото: Феликс Абт)

👉 Один пост не может отразить всю красоту этого места — скоро я выложу [видео на своем канале](#), чтобы запечатлеть всю красоту и магию Небесного озера.

Заявление для скептиков: моё путешествие по Синьцзяну было полностью независимым — без одобрения властей, без сопровождающих, все расходы за свой счёт. Подлинные впечатления, а не пропаганда.

Молодежная культура и уйгурская кухня

Меня поразила энергия молодых людей здесь — они оживленно разговаривали на уйгурском языке, шутили и смеялись, иногда превращая повседневные препятствия в игровые конструкции для лазания. Их стиль представлял собой современное слияние, легко сочетающее мировые и китайские модные тенденции.



В смехе уйгурской молодежи слышен знакомый ритм — напоминание о том, что любопытство, мечты и танцы из TikTok не знают границ. (Фото: Феликс Абт)

Этот современный дух создал удивительный контраст, когда однажды вечером молодая женщина подала вкусную уйгурскую еду, с любовью приготовленную ее матерью. Дегустация этой аутентичной домашней кухни стала одним из ярких моментов моего путешествия. Хотя дочь держалась с уверенностью глобального

горожанина, она и ее мать носили традиционные мусульманские платки — изящный знак уважения к своему наследию, красноречиво свидетельствующий об их гордости и культурной преемственности.



Сцена в ресторане: дочь подает блюда, а мать работает на кухне. (Фото: Феликс Абт)

Это сочетание традиций и современности было повсюду. Я познакомился с уйгурской владелицей магазина, чья деловая хватка соответствовала ее культурной гордости: она продавала тщательно подобранную коллекцию модных головных платков, сочетающих традиции и современную жизнь.



Владелица магазина в головном платке в своем магазине. (Фото: Феликс Абт)

Другие магазины, такие как тот, что изображен ниже, приветствовали меня яркой, ритмичной уйгурской музыкой, раздававшейся на улице — неотразимым акустическим приглашением зайти внутрь.



Уйгурский магазин с живой музыкой, 👉 послушайте оригинальное звучание здесь.

Сельскохозяйственное богатство Синьцзяна: фермы, рынки и местная гордость

Синьцзян часто называют житницей Китая, и путешествие по этому региону подтверждает это. Золотые поля пшеницы и подсолнечника простираются до горизонта, виноградники дают высококачественное вино, в садах растут орехи и фрукты, а дыни считаются самыми сладкими в мире. Изобилие здесь повсюду.

Эта плодородность зависит от многовекового управления водными ресурсами. Изобретательные системы карез — подземные каналы, питаемые силой тяжести, — доставляли талую воду из гор Тянь-Шаня в пустыню. Выкопанные вручную и соединенные туннелями и колодцами, они несли воду на многие километры вниз по склону прямо на поля без насосов и потерь от испарения.



Древняя изобретательность, выживание в пустыне: управляемые мастерами-гидротехниками и поддерживаемые местными сообществами, карезы сделали возможной жизнь в оазисах и являются чудом устойчивой инженерии, которое сформировало жизнь вдоль Великого шелкового пути. (Фото: Феликс Абт)

Это наследие продолжается и сегодня, но уже в грандиозных масштабах. Современные каналы и огромные ирригационные системы проходят через засушливые земли, превращая некогда бесплодную землю в моря хлопка и помидоров. Это история преобразования: пышные зеленые поля, процветающие в резком контрасте с пустыней, питаемые горными водами.



Это фото рассказывает историю полей Синьцзяна: рассказ о стойкости, написанный водой и сформированный сетью искусно созданных каналов.

Сельское хозяйство быстро меняется. Хлопок, который раньше собирали вручную, теперь убирают с помощью огромных машин. Фабрики, перерабатывающие местную продукцию, создают стабильные, хорошо оплачиваемые рабочие места, а новые жилые кварталы и промышленные объекты возвышаются как символы прогресса под бескрайним небом Синьцзяна.



На поезде через Синьцзян — мимо новых промышленных парков и жилых районов.
(Фото: Феликс Абт)

Однако, несмотря на модернизацию, человеческий дух по-прежнему играет центральную роль в сборе урожая. Фермеры явно гордятся своей работой. Один уйгурский фермер, выращивающий дыни, даже поместил свой портрет на упаковку — яркий знак качества и идентичности, который несет его имя и лицо с поля на столы по всему Китаю.



С гордостью представляет свои арбузы. (Фото: Феликс Абт)

В уйгурском фруктовом магазине я восхищался арбузами, которые были настолько огромны, что напоминали валуны — некоторые весили до 20 килограммов. Когда я с трудом поднял один из них, владелец магазина рассмеялся, и его радость соответствовала щедрости его продукции. Этот простой обмен прекрасно отражал дух урожая Синьцзяна.



Когда арбуз тяжелее вашего чемодана — урожай в Синьцзяне. (Фото: Феликс Абт)

В других частях Китая я пил капучино, приготовленный роботами, как показано в моем видео 👉 «Крах Китая — или будущее уже наступило?» Однако в Синьцзяне кофе — это ритуал. Чашки закапывают в горячий песок, чтобы кофе заваривался медленно, приобретая свой характерный аромат и насыщенность. Тщательно разлитый, крепкий, но мягкий, он — больше, чем просто напиток: он воплощает вековое уйгурское гостеприимство, глубоко укоренившееся в жизни пустыни.



Уйгур готовит кофе традиционным способом. (Фото: Феликс Абт)

Наблюдать за приготовлением, вдыхать аромат и наслаждаться первым глотком было небольшим, но незабываемым моментом — вкусом культуры, который делает путешествие ярким и запоминающимся.

Жизнь в сельской местности: казахские и уйгурские общины

Одна из самых запоминающихся встреч произошла со мной с теплой, общительной казашкой, живущей в деревянном доме среди общины уйгурских юрт. Хотя я забыл ее имя, в WeChat она была известна как Мяо. Выпускница Синьцзянского университета, она говорила по-английски и рассказывала истории о глубоких корнях своей семьи в этом регионе. Пока мы разговаривали, ее мать, следуя многовековой традиции, предложила нам чай и местные закуски, а Мяо переводила для меня казахский язык своей матери на английский.



Настоящие сокровища Синьцзяна заключаются не только в его пейзажах, но и в таких скромных домах, как этот, где мать и дочь казахско-китайского происхождения встретили меня с теплотой и гостеприимством. (Фото: Феликс Абт)

Дома Мяо говорила на казахском языке; с соседями она без труда общалась на уйгурском; с ханьцами она говорила на мандаринском — яркое отражение культурного разнообразия Синьцзяна. Атмосфера была гармоничной и непринужденной. В какой-то момент Мяо и ее уйгурские соседи спонтанно начали танцевать. На моем аккаунте в X вы можете увидеть 👉 [короткий клип](#) этого момента.

Я не думаю, что это было ради меня, но они любезно позволили мне запечатлеть этот момент — радостное и подлинное проявление общественной жизни, которым я с удовольствием делюсь здесь.



В окружении теплоты и дружелюбия уйгурских соседей Мяо. (Фото: Феликс Абт)

Итоговые размышления: Синьцзян за пределами заголовков

Во время своего путешествия я встретил много сияющих уйгуров, которые иногда казались любопытными при виде такого редкого западного гостя, как я. Больше всего мне запомнилось то, как представители меньшинств — уйгуры, казахи и другие — излучали гордость, радость и удовлетворение. Это резко контрастирует с отношением к [меньшинствам в других местах](#).

Например, в Украине государство ввело меры, серьезно ограничивающие права русскоязычного меньшинства: их язык практически запрещен, политические партии запрещены, СМИ подвергаются репрессиям, а церкви конфискованы. В Синьцзяне, напротив, уйгурская культура не подавляется, а активно сохраняется и продвигается в рамках национального законодательства и планов развития. Примечательно, что многие западные политики, активисты и СМИ, которые часто выдвигают необоснованные утверждения о «геноциде» в Синьцзяне, упорно молчат о реальном культурном геноциде русского меньшинства в Украине.



Лингвистическая гармония в фокусе: вывески магазинов в городе Синьцзян, написанные на мандаринском и уйгурском языках. (Фото: Феликс Абт)

Это избирательное возмущение подчеркивает важность того, чтобы смотреть за пределы предвзятых нарративов. Мои путешествия по миру не всегда раскрывали тот же дух гармонии, который я испытал здесь, что делает мое пребывание в Синьцзяне еще более особенным, воодушевляющим и незабываемым.

■ ■ ■

Еще немного фотографий от автора

(Copyright: Felix Abt)



Снимок из Урумчи (фото Феликс Абт)

Урумчи – оживленный административный центр провинции, который, как и другие подобные города Китая, за последние десятилетия пережил значительный экономический рост. Этот прогресс сопровождается общими проблемами, такими как пробки на дорогах, требующими решений, таких как новые автобусные и метрополитеновые линии, которые в настоящее время находятся в стадии планирования или строительства.



Автомат по продаже билетов на станции метро в Урумчи. (Фото: Феликс Абт)

В Урумчи большинство людей оплачивают билеты на метро с помощью мобильных телефонов, хотя наличные деньги по-прежнему принимаются. Для иностранных туристов система оплаты билетов проста: билетные автоматы отображают информацию не только на уйгурском языке, как показано здесь, и на мандаринском, но и на английском, что делает город немного более гостеприимным для путешественников.

Само метро также претерпевает изменения. К существующей единственной линии в скором времени добавится линия № 2. Уже запланирована линия № 3, а амбициозный план предусматривает создание к 2030 году сети из десяти линий. Стоя сегодня на платформе, можно легко представить себе ближайшее будущее, в котором общественный транспорт Урумчи создаст более обширную, быструю и лучше связанную городскую инфраструктуру.



Инженерные подвиги в сердце Евразии. Превращая изоляцию в возможности. (Фото: Феликс Абт)

Ландшафт Синьцзяна преобразуется благодаря новым мостам, туннелям и дорогам. Эта обширная инфраструктура — это не просто бетон и сталь, она образует стратегическую сеть, призванную стимулировать экономику, улучшить транспортное сообщение и укрепить роль Синьцзяна в инициативе «Пояс и путь». Это грандиозное усилие, направленное на преодоление географической изоляции, интеграцию региона в мир и содействие общему процветанию в рамках китайской политики «общего процветания».



(Фото: Феликс Абт)

Здесь это не обычный донер-кебаб, а уйгурский оригинал: Çağür Kebab (چاغۇر كاۋاپ). Это уйгурская версия вращающегося жареного мяса — название буквально означает «вращающийся кебаб». В отличие от хорошо известного сэндвича донер, Çağür Kebab почти всегда подается на тарелке.



Фото: Феликс Абт

Два дружелюбных уйгурских мужчины, изображенные выше, управляют мобильным киоском Çağır Kebab, который представляет собой умело переоборудованный мотоцикл.



Встреча с уйгурским фермером, работающим в поле. (Фото: Феликс Абт)

Я наблюдал, как уйгурские фермеры возделывают те же плодородные оазисы, что и их предки, но с помощью современных инструментов. Благодаря им аромат дынь, винограда и абрикосов по-прежнему витает вдоль старого Шелкового пути.



Уйгурский продавец фруктов с передвижным фруктовом стендом. (Фото: Феликс Абт)

Бутылки слева содержат Келимази, газированный напиток из ферментированных зерен, который помогает местным жителям переносить летнюю жару. Это кисло-сладкий освежающий напиток — живой вкус традиций Шелкового пути.

Из залитых солнцем виноградников и древних садов приходит легендарная закуска Синьцзяна: сочные, сладкие изюминки, крупные, спелые абрикосы и насыщенные грецкие орехи, смешанные с хрустящим миндалем и ягодами, сверкающими как драгоценности. Это вне времени — источник энергии как для кочевников, так и для современных гурманов. Сладко-солёный вкус истории, который можно держать в руке.



Уйгурский магазин с богатым выбором орехов и сухофруктов. (Фото: Феликс Абт)

Сегодня Синьцзян, пожалуй, более известен в мире благодаря хлопку и помидорам, но его репутация в области виноградарства имеет историческое и культурное значение. Континентальный климат региона — с длинными жаркими солнечными днями, прохладными ночами, минимальным количеством осадков и хорошо дренированными песчаными почвами — создает идеальные условия для виноградарства, позволяя выращивать плоды с высоким содержанием сахара, насыщенным вкусом и интенсивным ароматом. Виноград выращивается в Синьцзяне вдоль Великого шелкового пути уже более 2000 лет.



Посещение уйгурских виноделов. (Фото: Феликс Абт)

Производители вина Запада, держитесь: синьцзянские вина идут на ваши полки! Ваша единственная надежда? Срочно убедите свои правительства выдумать историю о “принудительном труде” — чтобы эти бутылки так и не попали на ваши винные стеллажи. Американские хлопководы уже показали, как это делается. Кто бы мог подумать, что хорошее вино — как и хлопок с текстилем — может внезапно превратиться в геополитический инструмент? За здоровье!



Среди обширных полей подсолнухов. (Фото Феликс Абт)

Ценность подсолнечника выходит далеко за рамки его красоты. Это универсальная культура, из которой получают растительное масло, снеки, корм для животных и даже биотопливо. Подсолнечник также приносит пользу окружающей среде, очищая почву и способствуя опылению. Благодаря идеальным условиям для выращивания в Синьцзяне — обильному солнечному свету и значительным суточным перепадам температур — этот регион является идеальным местом для этих гигантских золотых полей.



Уйгуры играют на барабанах. (Фото: Феликс Абт)

У уйгуров существует богатая традиция игры на ударных инструментах, в центре которой находится барабан «дап» — культурно самый значимый, поскольку он играет ключевую роль в исполнении мукама — великого классического музыкального наследия уйгурского народа.

Другие барабаны, такие как награ и дохл, дополняют насыщенный перкуссионный ландшафт уйгурской музыки, ярко отражающей их культурную самобытность.

Мукам — это не имя человека, а название сложной и глубокой музыкальной системы, которую часто сравнивают с персидским **дастгахом**, азербайджанским **мугамом** или индийской **рагой**. Это краеугольный камень уйгурской культуры и одно из важнейших музыкальных явлений всей Центральной Азии.



Пожилые уйгурские женщины в традиционных головных уборах беседуют, рядом — молодые члены семьи в парке. (Фото: Феликс Абт)

Пожилые уйгурские женщины в платках — это яркое напоминание о глубоких социальных переменах в Синьцзяне. То, что на первый взгляд кажется обыденным, на деле несёт множество смыслов: естественная смена поколений и переход к более современной моде; официальное неодобрение религиозных символов, таких как платки и бороды — в контексте прошлого радикализма и сохраняющихся опасений, ведь уйгурские боевики, участвовавшие в попытках свержения светского правительства в Сирии, угрожали вернуться в Китай и совершать теракты; а также тихие, стратегические решения молодых уйгуров адаптироваться ради лучших карьерных перспектив.

Из этой одной детали проявляется чувство изменяющейся идентичности, постоянной адаптации и более широких культурных трансформаций, которые формируют повседневную жизнь — несмотря на то что уйгурский язык и значительная часть культуры продолжают существовать.





Молодая уйгурская женщина в традиционном наряде. (Фото: Феликс Абт)

Традиционная уйгурская одежда, представленная здесь, обычно надевается во время фестивалей и крупных праздников. Этот элегантный наряд — часто длинное, свободного кроя платье или халат, надеваемый поверх брюк — отличается изысканностью и символизмом.

Особое внимание привлекает богато вышитый воротник, который может быть как стоячим, так и открытым. Такие наряды надеваются по особым случаям — на празднование Навруза (иранского Нового года), свадьбы и религиозные торжества. Великолепие одежды отражает радость момента и глубокое культурное значение события.

Банк Китая в Урумчи с гордостью размещает своё название на уйгурском, китайском (мандаринском) и английском языках — небольшой, но заметный жест включения и культурного признания.

Швейцария придерживается схожего подхода, учитывая языки меньшинств в системе образования, работе органов власти и общественных пространствах.

Украина, напротив, идёт другим путём: вывески допускаются только на украинском и английском языках, тогда как русский — язык миллионов жителей — официально запрещён в общественных надписях.



На фоне коммерческих зданий с вывесками на мандаринском и уйгурском языках.
(Фото: Феликс Абт)

Однако многие из самых ярых критиков «культурного геноцида» Китая в Синьцзяне, как ни удивительно, не испытывают особого возмущения по поводу массовых ограничений в Украине. Здесь инклюзия считается благородной, там исключение - оправданным, культурный геноцид будто бы зависит лишь от политической конъюнктуры. Естественно, что разветвлённая западная антикитайская экосистема — НПО, активисты, учёные, журналисты — постоянно должна подпитывать свою машину новыми обвинениями и скандалами. Разве можно ожидать чего-то другого?

...

👉 Слова и фотографии могут передать далеко не всё. Для ещё более полного погружения и живой атмосферы смотрите видео на моём канале на YouTube.

...

ТЕГИ СТАТЬИ:

Анализ Китай